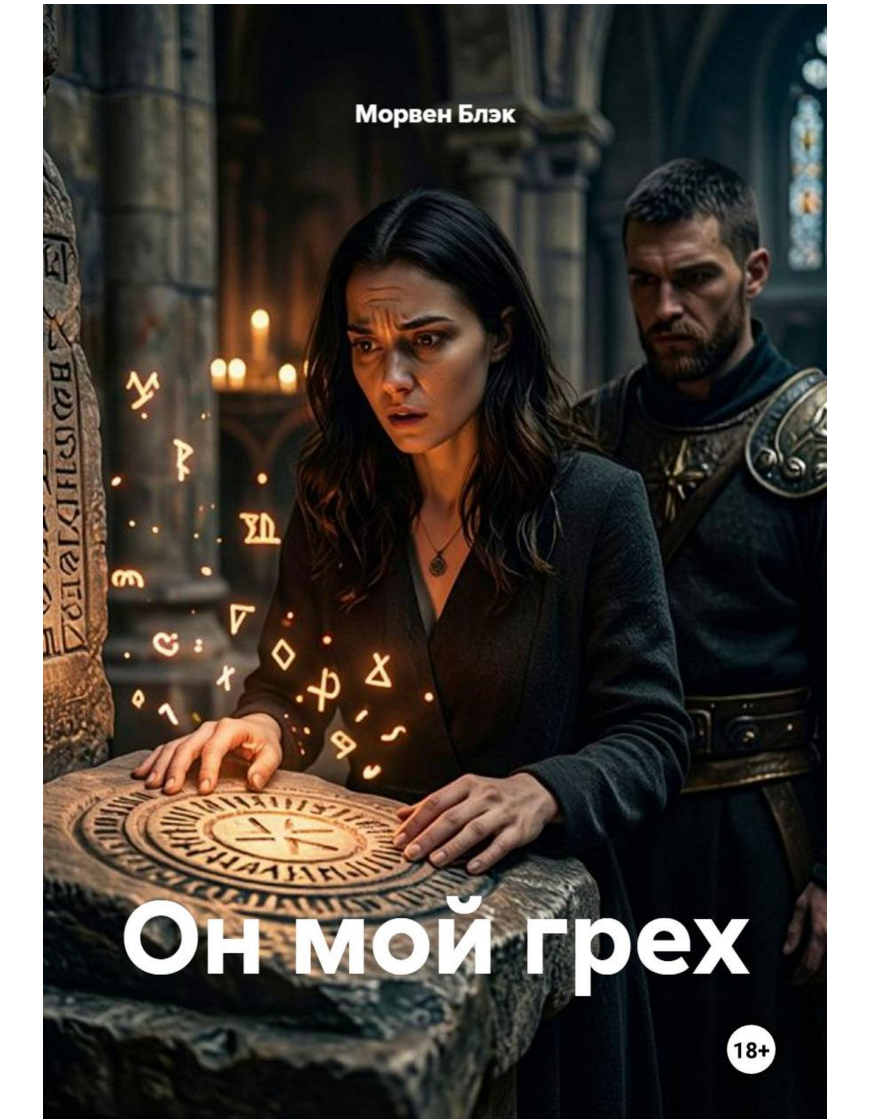

A movie poster for the film 'On My Sin' (Russian title). It features a woman with long dark hair, looking distressed, with her hands on a large, circular, ancient-looking stone tablet. A man in medieval-style armor stands behind her, looking on with a serious expression. The background is a dimly lit, gothic-style interior with stone pillars and a candelabra. Floating around the woman are various glowing symbols, including the Greek letter epsilon (ε), the Greek letter gamma (γ), and other geometric shapes. The overall tone is mysterious and dramatic.

Морвен Блэк

Он мой грех

18+

Морвен Блэк

Он мой грех

<https://litres.ru/74697062>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элира Вейн — реставратор запрещённых текстов. Её дар — слышать шёпот прошлого, но однажды она касается древней печати и слышит голос, который не должен был пробудиться. Он говорит, что ждал её тысячи лет. Он называет её своей. И он не остановится, пока не получит её душу.

Капитан соборной стражи Адриан Корвус — единственный, кто может её защитить. Но чем ближе они становятся, тем яснее Элира понимает: её грех — не тьма, что рвётся наружу. Её грех — любовь к тому, кто должен был остаться в книге.

Тёмное любовное фэнтези, где страсть переплетается с мистикой, а прощение становится оружием. Каждая дверь, которую она открывает, ведёт к новой бездне. Каждый поцелуй — к новому проклятию. И когда придёт время выбирать между миром и любовью, Элира поймёт: иногда единственный способ закрыть тьму — принять её.

Содержание

Глава 1. Кровь на печати	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Он мой грех

Глава 1. Кровь на печати

Дождь в Вердани никогда не заканчивался.

Он не шёл — он сочился из низкого свинцового неба, как гной из старой раны: медленно, упрямо, с запахом мокрого камня и гари. Город просыпался под звон колоколов Собора Непорочного Света, и этот звон был похож на приговор, который зачитывают каждое утро заново. Семь ударов. Семь кругов. Семь напоминаний о том, что человек рождается грязным, живёт виноватым и умирает только с разрешения тех, кто держит ключи от неба.

Я сидела в мастерской при архивной башне, согнувшись над листом пергамента, и пыталась не думать о том, что ненавижу этот город.

Под ногтями у меня забились пыль веков, на левом запястье ныл старый шрам, а передо мной лежала страница, которой было больше лет, чем камням под нашими ногами. Кто-то когда-то писал на ней молитву, потом — донос, потом — любовное признание, а сверху, торопливо и зло, вывел:

«Сожги меня». Буквы наслаивались друг на друга, как грехи одной семьи. Я проводила над ними кончиками пальцев, и бумага отвечала мне. Не словами. Теплом. Дрожью. Обрывками чужих эмоций, которые я не просила и от которых не могла избавиться.

Меня зовут Элира Вейн. Мне двадцать три. И я — реставратор запрещённых текстов.

Официально. В бумагах. С печатью архива. С ежемесячным жалованьем, которого едва хватало на комнату без окна и на лекарство от бессонницы. Неофициально же я была одной из тех, кого Собор держит подле себя, как держат цепного пса: потому что могу унюхать ложь в старой бумаге и вытащить из неё память, которую лучше бы оставить мёртвой.

Дар у меня был скромный. Так говорил архивист Матиас. «Скромный, Элира. Не смей называть это чудом. Чудеса — у Света, а у тебя — ремесло».

Я и не называла. Я вообще старалась ничего не называть вслух в этом городе. Слова здесь имели вес, а некоторые — и цену.

За окном снова ударили колокола. Я вздрогнула и смахнула со стола крошку воска. На пергаменте проступило тём-

ное пятно — влажное, будто страница вспотела от страха. Я отняла руку. Пятно медленно впиталось, оставив на коже запах железа.

Не впервые. Но каждый раз мне казалось, что за мной кто-то смотрит.

Мастерская была пуста. Только стеллажи с бутылками, кистями, рыбьим клеем и свинцовыми грузами; только стол, заваленный фрагментами рукописей; только клетка с канарейкой, которую Матиас держал не из любви к птицам, а чтобы знать, когда в воздухе появляется ядовитый туман из нижних хранилищ. Канарейка спала, спрятав голову под крыло. Значит, воздух был чист.

Я уже собиралась вернуться к работе, когда за дверью слышались шаги.

Не мягкая поступь послушника. Не шарканье старика Матиаса. Твёрдый, размеренный стук сапог — так ходили люди, которым не нужно было стучаться, потому что они привыкли, что двери открываются сами.

Я успела прикрыть пергамент чистой тканью и выпрямиться. В дверях стоял капитан соборной стражи Адриан Корвус.

Он был высок, широк в плечах и слишком красив для человека, который каждый день отдаёт приказы о порке. Тёмные волосы, забранные назад, серые глаза, шрам от виска к скуле — тонкий, как трещина на фарфоре. На его плаще блестяли капли дождя. На левой перчатке — свежее пятно крови.

— Мастер Вейн, — сказал он.

Не «госпожа». Не «Элира». Мастер Вейн. Как будто я была инструментом, который можно вызвать по имени.

— Капитан, — ответила я ровно. — Если вы снова принесли мне изъятую книгу, я просила передавать через канцелярию. У меня нет привычки принимать вещи, за которые потом могут отрубить руки.

Адриан не улыбнулся. Он вообще редко улыбался. Но в этот раз что-то в его лице было не так. Слишком неподвижное. Слишком внимательное.

— Архивариус Матиас ждёт вас в Крипте Искуплений, — произнёс он. — Немедленно.

У меня похолодели пальцы.

Крипта Искуплений не была местом для реставраторов. Там хранили то, что не должно было видеть света: конфискованные еретические трактаты, дневники казнённых, реликвии падших домов. Говорили, что в самом нижнем ярусе лежит книга, которая некогда принадлежала самому Врагу — не человеку, не демону, а чему-то, у чего нет имени в молитвах. Говорили разное. Но все, кто спускался туда слишком глубоко, возвращались либо сломленными, либо не возвращались вовсе.

— Почему я? — спросила я. — У архива есть пять реставраторов. Четыре из них старше меня. Трое — опытнее. Двое — хотя бы не боятся подвалов.

— Приказ архивариуса, — коротко сказал Адриан.

— А ваш приказ?

Он сделал шаг вперёд. Достаточно близко, чтобы я почувствовала запах мокрой шерсти и оружейного масла. Достаточно близко, чтобы увидеть: под серым воротом у него на шее нет обычного серебряного медальона Света. На его месте — красная полоса, будто кто-то провёл по коже раскалённой проволокой.

— Мой приказ, — тихо сказал он, — довести вас до места живой. И, если получится, вывести обратно.

— Если получится?

— Мастер Вейн. — Он наконец посмотрел мне прямо в глаза. — В Крипте сегодня ночью умер сторож. Он был не старым. Не больным. Он просто сидел на стуле и смотрел в одну точку, пока кровь не вытекла у него из ушей. Я не хочу, чтобы то же случилось с вами. Но архивариус считает, что только вы можете справиться с тем, что там нашли. А я считаю, что у меня нет времени спорить с архивариусом.

Канарейка в клетке вдруг встрепенулась и издала короткий, испуганный звук.

Я посмотрела на неё. Потом на Адриана. Потом на ткань, под которой лежал пергамент с пятном, похожим на кровь.

— Дайте мне плащ, — сказала я.

Дорога до Крипты шла через сердце Собора — и это было самое неприятное путешествие, которое я могла представить.

Мы шли по длинным галереям, где под сводами висели знамёна домов, давно превратившихся в пепел. Витражи изображали святых с глазами, вырезанными из дымчатого стекла; когда мимо проходил свет факелов, глаза начинали двигаться. Я знала, что это игра отблесков. Знала — и всё равно каждый раз ускоряла шаг.

Служители в серых рясах кланялись Адриану и провожали меня взглядами. Я была для них чем-то средним между полезной вещью и заразной болезнью. В детстве я жила в приюте при Соборе, и с тех пор все здесь знали: Элира Вейн — сирота, найденная в день Большой Печати; Элира Вейн — та, у которой на запястье шрам в форме полумесяца; Элира Вейн — та, что слишком хорошо слышит бумагу.

В приюте мне объяснили, что шрам — это знак милости. Позже я узнала, что милостью здесь называют право работать до тех пор, пока ты не сломаешься.

— Вы верите в грех, капитан? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

Адриан не замедлил шаг.

— Я верю в последствия.

— Удобно.

— А вы?

Я подумала о том, что грех — это не только поступок. Иногда это человек, который стоит слишком близко и слишком долго молчит. Иногда — город, который каждый день прощает себе всё.

— Я верю в счета, — сказала я. — Кто-то всегда платит.

Адриан бросил на меня быстрый взгляд. В нём не было ни насмешки, ни жалости. Только предупреждение.

— Сегодня, мастер Вейн, платить будете не вы. Постарайтесь, чтобы так и осталось.

Мы спустились по винтовой лестнице. Воздух становился холоднее и гуще. На стенах появились вырезанные из камня лица с закрытыми глазами — так в старых храмах отмечали места, где нельзя говорить громче шёпота. Я коснулась перил и почувствовала под пальцами чужой страх. Не свой. Чужой. Он впитался в железо, как масло в тряпку.

Ступени закончились перед дверью из чёрного дуба. На

ней не было ни ручки, ни замка — только круг из семи врезанных в дерево символов. Шесть из них были мне знакомы: печати молчания, печати памяти, печати крови. Седьмой я видела впервые. Он походил на спираль, свёрнутую в человеческое сердце.

Адриан достал из-за пазухи плоский ключ из кости. Вставил его в углубление в центре круга. Дверь вздохнула — иначе это не назвать. Из-под неё выползла струйка холодного воздуха, пахнувшего землёй и ладаном.

— Внутри вас встретит брат Иероним, — сказал Адриан. — Он хранитель нижнего яруса. Делайте только то, что он скажет. Не трогайте ничего без разрешения. Не читайте вслух. И, ради всех святых, мастер Вейн, не позволяйте себе думать, что вы понимаете, с чем имеете дело.

— А если пойму?

Он посмотрел на меня так, будто уже видел моё имя в списке умерших.

— Тогда молитесь, чтобы это было не так.

Он открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Крипта Искуплений была не подвалом. Подвалы — это сырость и крысы. Крипта была чревом. Тёмным, тёплым, живым. Стены здесь были сложены из чёрного камня с прожилками, похожими на вены; они слабо светились, когда я проходила мимо, и гасли за спиной. Пол под ногами пружинил, будто под плитами пряталась вода. Где-то далеко капало. Капля падала не через равные промежутки, а как будто сбивалась с ритма, когда я думала о ней.

Брат Иероним ждал у второй двери. Он был невысок, сух, с лицом, похожим на старую карту: каждая морщина — река, каждая складка — граница. В руках он держал фонарь с синим стеклом. Свет от него ложился на пол кругами, как круги на воде.

— Мастер Вейн, — сказал он. Голос у него был шелестящий. — Архивариус Матиас ждёт в третьем ярусе. Он просил передать: времени меньше, чем кажется.

— Что случилось с вашим сторожем?

Иероним переступил с ноги на ногу. Фонарь дрогнул.

— Он слушал, — сказал старик. — Мы все иногда слуша-

ем. Но он слушал слишком долго.

— Что именно?

Иероним поднял на меня глаза. В них не было страха. Только усталость человека, который слишком давно носит на плечах чужую тяжесть.

— То, что не должно говорить, — ответил он. — Пойдёмте.

Мы прошли ещё два яруса. Чем глубже мы спускались, тем сильнее я чувствовала чужое присутствие. Не взгляд — давление. Как будто на меня смотрели тысячи страниц одновременно, и каждая ждала, когда я повернусь. Я слышала шорох. Шелест. Обрывки слов, которые не успевала поймать. Мне казалось, что стены шепчут моё имя — неправильно, с ударением на последнем слоге, так, как меня не называл никто.

В третьем ярусе было теплее. Здесь стояли длинные столы, на которых лежали книги в цепях. На некоторых цепях висели печати Собора; на других — просто клочья ткани, пропитанные воском. В центре зала возвышался каменный постамент, накрытый чёрным сукном.

Над постаментом стоял архивариус Матиас.

Он был высок, худ и бледен, как человек, который всю жизнь провёл среди бумаг и ни разу не видел солнца. Его пальцы непрерывно перебирали чётки из тёмного дерева. Когда я вошла, он не обернулся. Смотрел на сукно так, будто под ним лежало что-то живое.

— Элира, — сказал он. — Подойди.

Я подошла. Иероним остался у двери. Адриан — за моей спиной, на расстоянии шага. Я чувствовала его напряжение, как чувствуешь сквозняк из щели.

— Что здесь? — спросила я.

Матиас наконец обернулся. В его глазах было что-то, чего я никогда раньше не видела. Он боялся. Матиас боялся не Бога, не Собора, не людей. Он боялся того, что лежало перед ним.

— Кодекс, — сказал он. — Мы нашли его вчера в тайнике дома Вейл. Ты знаешь этот дом?

Я знала. Дом Вейл стоял на краю квартала, где когда-то жили торговцы редкими тканями. Пять лет назад его сожгли

вместе с хозяевами. Официально — за ересь. Неофициально — за то, что они слишком много знали о происхождении некоторых соборных реликвий. Мне было семнадцать, когда это случилось. Я помнила дым над крышами и то, как пахло жареным мясом.

— Знаю, — сказала я.

— В тайнике был только он. Кодекс Последнего Греха. — Матиас произнёс это название так, будто оно оставляло вкус во рту. — Он запечатан. Но печать повреждена. Нам нужно, чтобы ты восстановила её. Не открыла. Не прочитала. Восстановила. Ты понимаешь разницу?

— Обычно понимаю.

— Сегодня — особенно.

Он кивнул Иерониму. Тот подошёл и осторожно снял чёрное сукно.

Я ожидала увидеть книгу. Кодекс. Что-то в кожаном переплёте, с застёжками, с золотым тиснением. Но на постаменте лежала не книга.

Это был кусок чёрного камня размером с две челове-

ские ладони. На его поверхности не было ни букв, ни рисунков — только трещины. Глубокие, извилистые, они складывались в узор, который мой мозг отказывался запоминать. Я смотрела на него — и через мгновение уже не могла вспомнить, как именно он выглядел. Как будто камень стирал себя из памяти.

— Это не кодекс, — сказала я.

— Это его обложка, — ответил Матиас. — Остальное... остальное запечатано внутри. Мы не знаем, как оно выглядит. И не хотим знать. Наша задача — закрыть то, что треснуло.

Я наклонилась ближе. От камня шёл слабый запах — не пыли, не ладана. Запах крови и чего-то ещё, тёплого, живого. Как от кожи человека, который только что проснулся.

— Что внутри? — спросила я.

— Грех, — сказал Матиас.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Он достал из рукава тонкий стилет. Лезвие было тёмным, почти чёрным, и на нём дрожал синий отблеск фонаря.

— Печать нужно восстановить кровью, — сказал он. — Твоей. Ты — реставратор. Ты умеешь слышать то, что осталось от прежних владельцев. Камень должен признать тебя.

— Признать? — Я отступила на шаг. — Вы сказали, что это обложка. Обложки ничего не признают.

— Эта признаёт.

Адриан за моей спиной сделал движение, будто хотел вмешаться. Но не вмешался.

— Матиас, — сказала я. — Вы послали за мной, потому что сторож умер. Вы не сказали, как именно он умер. Что вы от меня скрываете?

Архивариус посмотрел на меня долгим взглядом. В нём была жалость. И это было хуже страха.

— Он пытался прочитать то, что внутри, — сказал он. — И оно прочитало его в ответ. Мы не знаем, сколько времени у нас осталось. Но мы знаем, что трещины растут. Если печать не восстановить до Конклава, Кодекс откроется сам. И

тогда... — Он замолчал. — Тогда, Элира, нам всем будет не до разговоров о грехе.

Я посмотрела на камень. Трещины на его поверхности показались мне глубже, чем мгновение назад. Одна из них, тонкая, как волос, дотянулась до края.

— Дайте стилет, — сказала я.

Я не помню, как решилась. Помню только, что Матиас вложил мне в руку холодный металл, и я почувствовала, как стилет дрожит — не от страха, а от предвкушения. Будто он был живым.

— Нанеси порез на левую ладонь, — сказал Матиас. — Приложи к центру печати. И не говори ни слова. Что бы ты ни слышала.

— А если я услышу?

— Не отвечай.

Я кивнула. Адриан шагнул ближе. Я чувствовала его взгляд на своём затылке, как прикосновение.

Я провела лезвием по ладони. Боль была острой и чистой. Кровь выступила сразу — тёмная, почти чёрная в синем свете. Я приложила ладонь к камню.

Сначала ничего не произошло. Камень был холодным. Потом — тёплым. Потом — горячим. Я почувствовала, как кровь впитывается в трещины, как вода в песок. И вместе с кровью в меня потекла чья-то память.

Я увидела зал, которого никогда не было. Огромный, с колоннами из чёрного стекла, с полом, отражающим звёзды. В центре стоял трон. На троне сидел человек. Его лицо было скрыто тенью, но я знала — он улыбается. Знала так же точно, как знала собственное имя. Он поднял руку, и на его ладони была точно такая же рана, как у меня. Он сжал пальцы, и из трещин в камне потекли слова. Не буквы. Голоса.

«Элира».

Я вздрогнула. Голос был не громким. Он был внутри. В костях. В зубах. В том месте за грудиной, где обычно начинается страх.

«Элира Вейн. Наконец-то».

Я хотела отнять руку. Не смогла. Камень держал меня, как рот держит язык.

«Не бойся. Я ждал тебя дольше, чем существует этот город. Ты пахнешь... знакомо. Как та девочка, которая плакала в приюте и обещала, что однажды сожжёт всё это место».

Я не помнила такого обещания. Но внутри что-то отозвалось. Тёмное. Голодное. Моё.

— Кто ты? — прошептала я. Губы двигались сами.

Матиас за спиной резко выдохнул. Адриан шагнул вперёд.

— Элира, молчи!

Но было поздно.

Камень под моей ладонью нагрелся до боли. Трещины вспыхнули изнутри красным, как угли. Я почувствовала, как по руке ползёт что-то горячее — не кровь, а знак. Он проступал на коже, обжигая, вырезая изнутри узор, который я не могла видеть.

«Ты уже ответила», — сказал голос. Теперь в нём была насмешка. И что-то ещё. Удовольствие. «Ты спросила кто. А

я спросил бы — чей. Но мы оба знаем ответ, правда?»

Я рванулась назад. Камень отпустил. Я упала на пол, прижимая ладонь к груди. Кровь стекала по запястью, капала на каменные плиты. На ладони, там, где только что был порез, горел знак — спираль, свёрнутая в сердце. Точно такой же, как седьмая печать на двери.

Матиас стоял бледный, как мел. Адриан уже держал руку на рукояти меча.

— Что это? — прохрипела я.

Архивариус смотрел не на меня. На камень.

Трещины на его поверхности медленно закрывались. Одна за другой. Как швы на ране. А в центре, там, где я оставила кровавый отпечаток, проступила надпись. Всего три слова. Я прочитала их, и внутри у меня всё оборвалось.

«Он мой грех».

— Печать восстановлена, — тихо сказал Матиас. — Ты справилась.

— Что это за надпись?

Он не ответил.

Адриан наконец отпустил меч и подошёл ко мне. Присел на корточки. Взял мою руку — осторожно, будто она была из стекла. Посмотрел на знак. Его лицо не изменилось. Но пальцы, державшие моё запястье, дрогнули.

— Мастер Вейн, — сказал он. — Вы помните, что слышали?

Я открыла рот. И поняла, что не могу произнести ни слова. Горло сжалось. Голос, который говорил со мной из камня, теперь молчал, но я чувствовала его присутствие. Как руку на затылке. Как дыхание в затылок.

— Нет, — сказала я. — Ничего.

Ложь вышла легко. Слишком легко.

Матиас закрыл глаза. Адриан посмотрел на меня долгим взглядом. В нём было слишком много понимания. И слишком мало доверия.

— Отведите её наверх, — сказал архивариус. — И поставьте охрану к её комнате. Не для защиты. Для наблюде-

ния.

— Я не...

— Элира. — Матиас впервые назвал меня по имени без приставки «мастер». — Ты сделала то, что должна была. Теперь мы должны сделать то, что должны. Иди.

Адриан помог мне встать. Я старалась не смотреть на камень. Но когда мы уже подходили к двери, я всё-таки обернулась.

Надпись исчезла. Камень снова был чёрным и гладким, как обсидиан. Но мне показалось — всего на миг, — что в глубине трещин, теперь закрытых, кто-то улыбнулся.

Ночь я провела в своей комнате без сна.

Окна здесь не было. Только кровать, стол, стул и лампа с закопчённым стеклом. Под дверью стояли двое стражников. Я слышала, как они переговариваются: тихо, но не настолько, чтобы я не разобрала слов. «Она дотронулась до камня». «И что?» «И он её отметил». «Это плохо?» «Это хуже».

Я лежала на кровати, не раздеваясь. Ладонь горела. Знак не исчезал — он пульсировал в такт моему сердцу, и с каждым ударом я чувствовала, как в голове шевелится чужая мысль. Не слова. Ощущение. Как будто в комнате кто-то есть. Кто-то, кого я не вижу, но кто видит меня.

Я пыталась думать о деле. О том, что завтра нужно поговорить с Матиасом. О том, что надо найти способ снять знак. О том, что Адриан смотрел на меня так, будто уже знал, чем всё это закончится.

Но мысли возвращались к голосу.

«Ты пахнешь знакомо».

Я не знала его. Я никогда его не слышала. Но в его словах было что-то, от чего внутри поднималась тёплая, запретная волна. Не страх. Хуже. Любопытство. Как будто я стояла на краю пропасти и вместо того, чтобы отойти, наклонялась.

Ближе к утру я забылась тяжёлым, липким сном. Мне снился зал с колоннами из чёрного стекла. Я стояла перед троном. Человек на троне больше не скрывал лица. Оно было прекрасным и страшным одновременно — как бывает прекрасно оружие, которое вот-вот вонзят в тебя. Он смотрел на меня и улыбался.

— Ты придёшь ко мне сама, — сказал он. — Не потому, что я тебя позову. А потому, что ты не сможешь иначе.

— Я не хочу, — ответила я во сне.

— Знаю. — Он наклонился вперёд. — Это и есть самое интересное.

Я проснулась от того, что кто-то стучал в дверь.

Не стражники. Их шаги я уже научилась различать. Этот стук был другим. Ровным. Настойчивым. Знакомым.

Я села на кровати. Сердце колотилось. Ладонь горела так сильно, что я почти видела свет сквозь кожу.

— Кто там? — спросила я.

Дверь открылась.

На пороге стоял Адриан. Без плаща. Без перчаток. В одной рубашке, с распущенными волосами, и в его глазах было что-то, от чего у меня пересохло во рту.

— Мастер Вейн, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

Немедленно.

— Что случилось?

Он вошёл и закрыл за собой дверь. Потом посмотрел на меня. Долго. Так, будто решал, стоит ли говорить.

— Камень, — наконец сказал он. — Он исчез.

Я вскочила.

— Как исчез?

— Просто. Утром его не было на постаменте. Печать целая. Надпись стёрта. А камня нет. — Он сделал паузу. — И ещё. Сторож, который умер. Его тело пропало из морга. Ночью. Никто ничего не видел.

Я смотрела на него, чувствуя, как холод поднимается по позвоночнику.

— Вы думаете, это связано со мной?

Адриан подошёл ближе. Остановился в шаге от меня. Его взгляд упал на мою ладонь — на знак, который я не успела спрятать.

— Я думаю, — сказал он тихо, — что вы что-то слышали. И не сказали.

— Я не...

— Не лгите мне, Элира. — Впервые он назвал меня по имени. — Я не Матиас. Я не боюсь вас. Но я боюсь того, что вы можете сделать, если он заговорит с вами снова.

Я хотела ответить. Хотела сказать, что ничего не знаю, что я просто реставратор, что я не просила этого. Но в этот момент лампа на столе погасла.

Не задуло. Не выключили. Просто свет внутри стекла свернулся в точку и исчез.

В темноте я слышала голос. Тот самый. Он был уже не в голове. Он был в комнате.

— Она не станет лгать тебе, капитан, — произнёс он. — Она просто ещё не поняла, что правда теперь принадлежит мне.

Адриан выхватил меч. Сталь блеснула в свете, которого не было.

А я стояла в темноте, прижимая к груди горящую ладонь, и чувствовала, как на моих губах появляется улыбка. Не моя. Чужая. И от этого было страшнее всего.

— Элира, — сказал Адриан, не опуская меча. — Отойдите от окна.

Я обернулась. Окна в моей комнате не было.

Но в стене, там, где ещё утром был глухой камень, теперь проступила чёрная щель. А в щели — глаза. Тёмные, как провалы между звёздами. И в них — то самое удовольствие.

— Скажи ему, — прошептал голос у моего уха, хотя рядом никого не было. — Скажи, что ты уже моя.

Я открыла рот.

И закричала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.